

Т.П. Карташова

Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова

«ДУНОВЕНИЕ ДЕКАДАНСА», ИЛИ ТОМСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА НАЧАЛА XX В. О НОВЕЙШИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕЧЕНИЯХ¹

На материале сибирской периодики начала XX в. рассматривается отношение томской читающей публики к новым течениям в литературе. Показано влияние модернизма на становление местного литературного процесса и формирование вкусов читателей. На примере литературно-критического наследия одного из самых известных литераторов Г.А. Вяткина показано сложное и неоднозначное восприятие идейных и художественных основ модных направлений в литературе.

Ключевые слова: литературная критика, профессиональный читатель, рецепция, модернизм, Томск, Г.А. Вяткин.

В начале XX в. г. Томск, по мнению многих исследователей, становится литературной столицей Сибири [1–2]. Как и множество других российских городов, Томск переживает интенсивное культурное развитие. Здесь появляется все больше учебных заведений, в том числе высших, все более заметную роль в жизни города играет интеллигенция, привычными формами досуга становятся чтение, посещение театральных представлений, симфонических и оперных концертов. Появляются не ссыльные и не «навозные», а возвращенные в местных условиях молодые литераторы-сибиряки, активно публикующие свои произведения в местных и столичных периодических изданиях, альманахах и сборниках [3. С. 230–243].

В Томске формируется «культурное гнездо» со своим лицом, местными темами, героями, «здоровым сибирским реализмом». Появляется собственная лирика и проза, свое миропонимание и способы отражения картины мира. Помимо изображения местного быта, природы, культуры, в Сибири и Томске существовало и особое восприятие столичной культуры, новых литературных направлений. Были свои кумиры среди общерусских писателей и собственный репертуар чтения.

Как и в Европейской части России, в Томске большой популярностью пользовались произведения современных модных писателей и поэтов рубежной эпохи, часто обозначаемой термином «Серебряный век», которую также называли эпохой модерна, или эпохой декаданса [4. С. 21]. Молодежь зачиты-

валась рассказами Л. Андреева и М. Арцыбашева [2. С. 557], их пьесы становились предметом страстных дискуссий (суд над «Анфисой», диспут о «Екатерине Ивановне» Л. Андреева, суд над Арцыбашевым «Ревность») [5–7]. На различных площадках проводились вечера декадентского искусства.

О модернизме и декадансе в начале века в Томске было прочитано невиданное количество лекций и рефератов как местными, так и столичными лекторами, а в 1916 г. Томск посетили сами мэтры символизма: К. Бальмонт и Ф. Сологуб [8–9].

Большой резонанс в прессе получили доклады одного из инициаторов и создателей Сибирского социал-демократического союза, редактора томской газеты «Утро Сибири» В.Е. Воложанина: «Модернизм и сибирские поэты», «О сибирских поэтах» и «Футуризм в литературе». Тексты его выступлений и отзывы печатались в газетах «Утро Сибири», «Сибирская жизнь» и «Жизнь Алтая».

На основе «программных» статей В.Е. Воложанина в «Очерках русской литературы Сибири» был написан целый раздел «Мотивы декаданса в литературе Сибири» [2. С. 556–567], где утверждалось, что в Сибири модернизма не было, а местные литераторы и критики прилагали немалые усилия в борьбе с декадентской литературой. Декадентами и модернистами считались те, кто писал о «слезах», «розах» и «грезях» с одной стороны, и тех, кто предавался тоске и отчаянию, т.е. декадентским настроениям, в чьем творчестве утверждалось торжество порока, изначальность и непреодолимость зла, бесцельность социальной борьбы и мотивы безысходности.

«К чести сибиряков, – писал В.Е. Воложанин, – модернизм «не встретил широкого сочувствия», а единственным поэтом-символистом был томский литератор Иосиф Иванов. Лирика И. Иванова «выглядела провинциальным вариантом буржуазного модернизма», который был охарактеризован как «болезненная накипь русской литературы» [2. С. 560].

И. Иванов активно печатался в томской периодике. Необычные по форме стихи И. Иванова привлекали внимание пародистов. Так, после появления в журнале «Сибирская новь» его стихотворения «Двое» [10. С. 45–46], в «Сибирской жизни» в разделе «Шаржи и пародии» вскоре появилась смешная пародия «Прикорчив двух...», подписанная псевдонимом «Гном» [11].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Томской области в рамках научного проекта 16-14-70001 «а/р»

И. Иванов:

«Мой дух сквозит, как в мае зори:
Он с самопрялки рано снят;
Во мне, пытливым небозоре,
круговозратный скрытый яд.

Гном:

Мой ум слизист, как в осень грязи,
Он недотыкомкой помят;
В котле рокошущем, как в вазе,
Неразбериха, чушь и чад.

Особое внимание и многочисленные отклики привлек доклад В.Е. Воложанина в томском литературно-музыкально-драматическом обществе «О сибирских поэтах», в котором сравнивались поэты старой Сибири (Омулевский и Михеев) и новые поэты, поэты-интеллигенты, внесшие в поэзию новые песни грусти, тоски, меланхолии. Их творчество окрашено интеллигентским душевным разладом.

Вот краткие характеристики молодых поэтов: Хейсин – поэт изменчивости, неустойчивости, поэт колеблющийся между верой и отчаянием. ... Шебеков – это поэт без веры. Он видит во всем только тихую печальную грусть... Надломленность, двойственность, тоска и грусть – все это наблюдается и у Вяткина, наряду с этим Воложанин отмечает трафаретность формы и подражательность Надсону и др. поэтам. От этого развала Васильева-Потанина уходит в мир грез и сказки. Ее песни – это жалоба женщины, обойденной личным счастьем, в ее стихах звучат раны души... Особое место среди сибирских поэтов занимает Гребенщиков. Все предыдущие поэты – это поэты города, а Гребенщиков – поэт умирающего быта сибирской деревни [12].

Послушав доклад В.Е. Воложанина, «большевик» В. Бахметьев сделал следующий комментарий: «Нет сомнения, тема, затронутая Воложаниным, интересна и мало разработана. Но подходить к вопросу о сибирской поэзии с тем багажом, с которым подошел г. Воложанин, более чем рискованно. Доклад г. Воложанина, это сплошные общие места, не подкрепленные доказательствами. Перечень сибирских поэтов далеко не полон. Самые произведения поэтов остались не разобранными ни по существу, ни со стороны формы» [13].

С такой же «непримиримостью» боролся Воложанин и против футуризма: «Рожденный в период разложения общественной, литературного распутия, дифференциации направлений, русский футуризм реакционен», – говорил Воложанин и призывал к беспощадной борьбе с ним. Но на одинокий призыв к борьбе никто из томской общественности не откликнулся. В защиту футуризма выступил известный в Томске статистик В.Я. Нагнибеда. Указав на трудности оценки литературных школ и направлений, он определил футуризм как «стремление обнять все стороны жизни, претворить явления искусством, революционизировать его, дать на все ответы» [14].

Если читательский интерес, особенно среди молодежи, и можно отчасти объяснить модой и интересом к ранее запретным темам, то молодые томские писатели и поэты осознавали всю «бессильность традиционного реализма справиться с задачами постижения все усложняющегося мира» [15. С. 75]. Выход они видели в основательном усвоении художественной практики символистов. Поиски символистами новых художественных средств были близки многим томским литераторам.

Известную дань модернистским веяниям отдал молодой Исаак Гольдберг. Вслед за В. Розановым и М. Арцыбашевым И. Гольдберг посвятил свои ранние рассказы и повести «Исповедь» и «Тёмное» «проблеме пола». Прозаик реалистического направления В. Шишков учился основам мастерства у А. Ремизова. Его первая книга «Сибирский сказ», вышедшая в 1916 году, говорит о влиянии его манеры.

Однако более отчетливо декадентские мотивы проявились не в прозе писателей-сибиряков, а в творчестве сибирских поэтов – П. Драверта, Г. Вяткина, И. Тачалова, И. Иванова, И. Хейсина, Д. Олерона, В. Пруссак и др. [2. С. 557–559].

Сибирские писатели испытывали на себе влияние уже признанных авторитетов и подражали им. У многих из них увлечение модернизмом шло параллельно с поисками собственных путей в литературе.

Обратившись к оригинальным текстам произведений томских литераторов и томских критиков, помещенным на страницах томских периодических изданий («Сибирская жизнь», «Сибирский наблюдатель», «Сибирская новь», «Утро Сибири» и др.), мы видим, что новейшие литературные течения оказали огромное влияние на томскую творческую элиту. Наиболее адекватное восприятие модернистской литературы и объективную оценку этому явлению находим в литературно-критическом творчестве одного из ярчайших представителей молодой сибирской литературной школы – Г.А. Вяткина [16]. Его перу принадлежит наибольшее количество рецензий и литературных обзоров, посвященных новейшим литературным течениям. Переводчик, автор поэтических сборников, очерков и рассказов, критических и литературоведческих статей, театральных рецензий, Г.А. Вяткин начал свою профессиональную карьеру литературного критика на рубеже веков в журнале «Сибирский наблюдатель» [17. С. 87]. Так, еще в 1905 г. в обзоре литературных новинок Г. Вяткин достаточно резко высказался против появления новых стихотворений К. Бальмонта и З. Гиппиус, назвав их «резким проявлением ультра-декадентства». «Сплошная вычурность, крикливая, нарядная; бред – не больной души, что еще допустимо в поэзии, – это бред извращенной души, извращенного разума... Обидно за талант г. Бальмонта, бывшего когда-то чистым и ясным, а теперь – затуманенный и загрязненный» [18].

По мнению Г.А. Вяткина, декаданс был явлением заимствованным, искусственно привнесенным из европейской культуры. Причем заимствованы были лишь самые негативные черты. «Декадентство в его чистом виде в лице Верлена и его ближайших коллег по перу нельзя назвать отрицательным явлением», – пишет он в 1907 г. в статье «О декадентах» [19]. Оно призвано «внести свежую струю в беллетристику и поэзию, создать будирующее настроение, изобразить ощущение и настроение, до сих пор никем не изображенные». Однако основные принципы, которые провозгласили символисты: индивидуализм в литературе, свободу в искусстве, полное отрицание старых форм и неуклонное стремление ко всему, что ново, странно и необычно, – переросли на русской почве в полное забвение политических и общественных интересов, распухшего тела, похоти и болезненно повышенной животности. «До боли обидно, – пишет далее Г.А. Вяткин, – что в этой гнусной вакханалии, оскверняющей храм русской литературы, принимают близкое участие такие крупные таланты как Бальмонт».

К творчеству К. Бальмонта Г.А. Вяткин особенно не равнодушен. На страницах «Сибирской жизни» в разделе «Библиография» появляются его рецензии на новые сборники поэта. Вот как характеризует он новую книгу Бальмонта «Белые зарницы»: «Странная и вместе с тем вдохновенная книга, написанная красивой, образной прозой, чередующейся с еще более красивыми и образными стихами, переходящими порой в трудно-понимаемый, прихотливый модернизм, без которого, впрочем, Бальмонт – уже не Бальмонт» [20].

По мнению критика, за последние 5–8 лет русская поэзия значительно выросла и расцвела как в качественном, так и в количественном отношении. За это время определились два ярких таланта, два короля современной русской поэзии, представители враждующих направлений реализма и модернизма: П.Ф. Якубович и К.Д. Бальмонт. П. Якубович – талантливый представитель общественно-гражданской поэзии, а К. Бальмонт – еще более талантливый представитель чистой поэзии, поэзии символической. Сборники стихов того и другого выдержали по целому ряду изданий, разошлись в десятках тысяч экземпляров, приобрели огромную популярность. Как литературные короли, каждый имел свою свиту, своих последователей и подражателей. Чем больше была толпа подражателей, тем больше крайних и негативных проявлений выплескивалось наружу, вызывая в литературе настоящую смуту.

По мнению Г.А. Вяткина, на противоположных концах реализма и модернизма процветают две крайности: тенденциозно-гражданская литература и утонченно-порнографическая. Служение общественно-политическим интересам – безусловно прекрасная задача для литературы, «но горе, – пишет Г. Вяткин, – когда художественная сторона поглотится тенденцией. Такая литература уже лишена своих живых соков, она уже превращается в протокольную запись политической действительности, в граммофонную пластинку, агитирующую за Маркса и Бебеля». Обе крайности одинаково не приемлемы и вредны для развития литературы. Но если гражданская тенденциозность литературы не приносит существенной пользы искусству, то не причиняет ему и вреда, то идеализация и проповедь утонченного разврата по мнению Вяткина «заслуживает самого сурового, самого безапелляционного отрицания и смертного приговора» [21].

Однако следует заметить, что критические обзоры Вяткина, помимо выявления негативных сторон, практически всегда содержат положительные примеры. Например, талант Куприна – свежий, глубокий и яркий. Куприн «реалист, но не грубый, не тенденциозный, а тонко чувствующий, образно мыслящий, красиво и тепло передающий». Г.А. Вяткин считает, что такой реализм граничит с здоровым символизмом, и в этой грани и есть выход из литературного тупика, «в этой золотой середине прочный залог пышного расцвета русского художественного слова» [22]. В стихах И. Бунина и А.М. Федорова совсем нет истерических нот и болезненных настроений, которыми так неприятно изобилует вся новейшая русская поэзия. Их стихи – продукт здорового, твердого, не надломленного творчества, развивающегося из здоровых и цельных переживаний. Ну и конечно же, в стороне от всех королей современной русской поэзии и их свиты одиноко стоит «последний из могикан» художественного творчества XIX в. – граф Л.Н. Толстой.

Поиски золотой середины, выхода из литературной смуты Г.А. Вяткин видит в появлении нового самобытного поэта: «Да, такой поэт должен явиться. Не от худосочного, болезненного, хотя порой и очень красивого декадентства должна ожидать русская поэзия своего возрождения и пышного расцвета ... А ведь не может быть, чтобы Россия не дала миру своего нового Пушкина – самобытного (не в узком смысле, а в самом широком значении этого слова) крепко связанного с народной жизнью и вышедшего из ее глубины» [21].

Рецензии, литературные обзоры и критические статьи – далеко не весь используемый арсенал критика. Яркие и запоминающиеся пародии, фельетоны, иногда злые и язвительные, но очень смешные, надолго остаются в памяти читателей. Особенно достается от Вяткина-фельетониста футуристам за их склонность к саморекламе и самолюбованию, а также за коверканье русского языка.

В газете «Сибирская жизнь» от 7 мая 1911 г. в разделе «Фельетон» появилась заметка под названием «Электрическая» литература, в которой высмеивалась новая книга Игоря Северянина, присланная в редакцию для отзыва. Вскрыв бандероль, секретарь редакции побледнел и отскочил в сторону, на обложке было написано: Игорь Северянин. «Электрические стихи». Далее читаем следующий диалог:

«– Хорошо еще, если электричества в книге немного, – тревожно произнес он, – а что, если каждое стихотворение заряжено пятьюстами вольт. Ведь стоит только прикоснуться – и будешь убит наповал.

Судебный репортер предложил:

– Нужно немедленно разрядить книгу, сделать ее безопасной и потом уже читать.

– Ну и трусы же вы, господа! – улыбаясь, воскликнул литературный критик, – книга совершенно безопасна, уверяю вас! Если автор назвал свои стихи электрическими, то это просто лишь для того, чтобы пустить читателю пыль в глаза. Ведь чем только не дарят читателей современные поэты и беллетристы! И стоит ли удивляться тому, что после литературы модернистской и сексуальной – появилась литература электрическая...»

Они устыдились, однако за книжкой никто не потянулся, кроме критика. Без тени смущения он взял «Электрические стихи» и, оставшись жив и невредим, начал вслух читать:

«Элегантная коляска, в электрическом биенье
Эластично шелестела по шоссе по песку...»

Далее на с. 21:

«Сирень весны моей!

Моей весны сирень грузила
в грезы разум,

...Пила мои глаза, вплетала
в брови сны

И, мозг испепелив, офлерила
экстазом

Сирень моей весны».

Тут все едва не лопнуло от смеха, критик тоже не выдержал, швырнул книгу на стол и раздраженно заговорил: «Я сейчас же сяду писать ругательную статью ... не об Игоре Северянине, несчастном авторе «Электрических стихов», а вообще о таких, как он, которые коверкают язык, грязнят и уродуют литературу, плодят таких же сумасшедших как они сами».

Критик, однако статьи не написал. Сотрудники сообща решили, что писать о книге не стоит, а нужно лишь послать автору извещение о том, что в местной психиатрической лечебнице прием больных продолжается» [23].

Фельетон имел совершенно локальный конкретно-исторический контекст. В 1908 г. в г. Томске была открыта первая в Сибири психиатрическая лечебница. Именно туда и приглашались господа футуристы.

Неуважение футуристов к читателю и к литературе особенно задевает Вяткина-литератора. «Едва опали и отхлынули волны порнографии и пинкертоновщины, широко заливавшие наш книжный рынок, ... как отвратительной угрозой встает новая беда: нашествие литературных варваров, именующих себя футуристами. Наглые и бездарные самозванцы, их книги выходят одна за другой, у них находятся и поклонники, и меценаты». Вяткину-поэту обидно за лучшие «толстые» журналы, которые едва сводят концы с концами из-за читательского равнодушия. А для футуристов находятся и деньги, и внимание, и полная свобода слова.

Говоря о читательском равнодушии, Вяткин не оставляет без внимания и другую немаловажную проблему – просвещение читателей. По его мнению, просвещением читателей должны заниматься не только отдельные литераторы и критики, но и литературные общества. Видя крайне обостренный интерес к новейшей литературе, Л.Н. Толстой как-то сказал, что молодежь ищет смысла жизни у Горького и Андреева, забыв о тысячелетних усилиях человеческой мысли над разрешением проклятых вопросов и об огромных результатах работы этой мысли. Неоспоримый голос статистики говорит, что средние классы, т.е. массовый читатель, упивается романами Гейнце и Пазухина, Конан-Дойля и Вербицкой, «Огоньками», «Синими журналами», «Всемирными панорамами». Массового читателя привлекает то, что внешне любопытно, занятно, страшно и смешно. Высокое культурное и общественное значение серьезной литературы ему чужды и не понятны. Приобщение к вечным мировым источникам человеческой мудрости, к лучшим художественным выразителям нашего национального гения – первая и основная задача, которую должны решать местные литературные общества. А второй задачей должна стать популяризация произведений таких писателей, как Толстой и Достоевский, Гаршин и Чехов, Тургенев и Успенский, Белинский и Михайловский и др. Литературные общества должны обратить внимание на это, должны постараться приобщить массового читателя к радости знакомства с корифеями родного слова, воспитать в нем любовь и уважение к серьезной литературе, дать ему настоящую пищу вместо того суррогата, которым он засоряет свой ум [24].

Чтобы избежать тенденциозности и морализаторства, Г.А. Вяткин обращается к различным литературно-публицистическим жанрам. Особенно удачно у него получались литературные интервью, в которых слово предоставлялось какой-нибудь новомодной знаменитости. Так, в марте 1911 г. было опубликовано развернутое интервью с двумя популярными молодыми писателями: М. Арцыбашевым и Б. Зайцевым [25]. Авторы были выбраны не случайно, они были почти диаметрально противоположны друг другу: один – грубый реалист, другой – нежный романтик, один – апологет тела, другой – апологет духа, один – художественно утверждает

смерть, другой – художественно утверждает жизнь. Хотя Вяткин «решительно не сочувствует крайне индивидуалистическому мирозерцанию М. Арцыбашева», но беспристрастия ради, пытается передать его мысли, не искажая их, не смягчая и не подчеркивая. Вяткин не дает собственных оценок и комментариев, только слова самих интервьюированных.

Интервью начинается с описания бытовой обстановки, в которой проходила беседа. Она также построена на контрасте. Если у М. Арцыбашева «хороший номер одной из лучших московских гостиниц», то у Б. Зайцева «скромный и уютный кабинет». «Если говорить о себе – начинает Михаил Петрович... Рассуждаю так: жизнь не имеет объективного смысла, и человек создан для самоутверждения, для борьбы за свое «я». «Я» – выше всего, и никаких законов, кроме «хочу» быть не должно ... Если мое «хочу» столкнется с противоположным «хочу» другого человека – пусть завяжется борьба, кто сильнее – тот победит ... В прошлом нашей литературы было много хорошего ... А теперь нет ничего: Короленко, Андреев, Куприн – хорошие стилисты и только ... да и все другие современные беллетристы – люди с куриной душой». Далее идет интервью с Б. Зайцевым. «Борис Константинович, с обычной светлой и мягкой улыбкой, говорит: «Собираюсь писать статью о Тургеневе...Тургенев – мой любимый из русских авторов... Вообще, не согласен с теми, кто заявляет, что в нашей литературе наступил период упадка. Если хотите, это период брожения, хаоса, из которого должно родиться нечто новое, период исканий, ошибок, может быть частичных падений, но не упадка. Писатель должен быть прежде всего художником, артистом, а разве Андреев и Бунин и другие – не художники, не тонкие артисты...»

Слова Б. Зайцева созвучны мыслям самого Г.А. Вяткина. Из текста видно, что симпатии критика именно на его стороне, ему претит индивидуализм Арцыбашева. Прямая речь лишь еще больше заостряет, усиливает, обращает внимание на самые главные качества писателей.

Индивидуализм и неуважение к читателю станут темой еще одной статьи Г.А. Вяткина, которая больше напоминает литературную новеллу. Она называется «В кружке писателей» [26]. Исполняя поручения редакции газеты «Сибирская жизнь», Вяткин совершал многочисленные поездки по стране, посещал столичные премьеры, заседания литературных кружков и обществ, о которых рассказывал в рубрике «От нашего московского корреспондента». На одном из таких заседаний в московском литературно-художественном кружке писатель М.П. Арцыбашев читал свой новый рассказ «Деревянный чурбан». Присутствовало немало известных лиц из литературного и художественного мира. Автор рассказа чувствовал себя не вполне здоровым, поэтому чтение было поручено артисту народного дома А.Н. Бибикову, а Арцыбашев, в «своей неизменной темной бархатной блузе, сидел рядом и изредка, заглядывая в рукопись, поправлял чтеца».

Действие рассказа происходит в Сибири. Драматическая коллизия разворачивается на фоне глухого сибирского леса. Бывший революционер, ссыльный студент Веригин, бродит в лесу с ружьем и неожиданно наталкивается на шамана, молящегося деревянному идолу – чурбану. Он пугает шамана ружьем, смеется над его богом и стреляет в идола. Потрясенный и оскорбленный шаман в ужасе скрывается

в чаще. Веригин возвращается домой и рассказывает о происшествии в лесу своему товарищу по ссылке. Присутствующий при этом старый сектант мужик Федор Иванович резко осуждает его поступок. Он убежден, что нельзя обижать и глумиться над чужой верой. На следующий день, когда Веригин снова пошел к идолу, свершается месть за поруганную святыню. Бурят убивает его из ружья.

После чтения рассказа разгораются бурные прения, которые затягиваются до второго часа ночи. Как и в случае с интервью, Вяткин не вмешивается в обсуждение, не дает своих оценок, не делает комментариев, а предоставляет слово авторитетам из литературного, художественного и научного мира. Первым выступает бывший редактор «Восточного обозрения» И.И. Попов: «С географической и этнографической стороны рассказ не выдерживает критики. Хорошо зная Сибирь и быт бурят, я должен сказать, что многое в рассказе совершенно не отвечает условиям действительности: дубов в Сибири нет, идолов таких, какой здесь описан, тоже нет, фигура шамана также неправдоподобна...». Полное незнание сибирской флоры и фауны отметили и другие выступающие. У Арцыбашева в тайге пахнет медом и растут большие корявые дубы. Н.Д. Телешов, присоединяясь к мнению Попова, прибавляет, что буряты никогда так не мстят, автор это выдумал неудачно. И с психологической стороны произведение фальшивое и надуманное.

В.Я. Брюсов во время обсуждения поднимает один из вечных вопросов литературного творчества: должен ли писатель в своих произведениях точно следовать фактам, этнографическим и географическим деталям, ведь многие несообразности проходят для читателей совершенно незамеченными.

На его слова профессор А.А. Кизеветтер вспомнил, как Л.Н. Толстой критиковал этюд В.Г. Короленко «Старый звонарь». Его поразила мелочь, неправильное положение луны, но он говорил, что эта лживая, неудачно выдуманная мелочь мешает ему принять и целое художественное рассказ. «Авторитет Толстого здесь вполне достаточен, – говорит далее Кизеветтер. – Я же всегда говорил, что писатель, художник не должен относиться к знанию холодно, не должен опасаться, что точным знанием сушится вдохновение. Нет, знание должно быть в неразрывном союзе с вдохновением, чем поэт больше знает, тем он будет сильнее как поэт. Арцыбашев делает ошибки в географии и этнографии потому, что он не знает природы, а не знает потому, что не любит ее; он не перечувствовал описываемых им пейзажей: ни глазами, ни сердцем он не постарался вникнуть в природу глубже и серьезнее и легкомысленно наклеветал на нее, а может быть не только на нее, но и на людей».

В прениях попыталась участвовать и «какая-то эффектная дама из среды гостей». Громко, с жаром, она заявила, что не понимает придирчивости оппонентов к Арцыбашеву, «огромный талант которого общепризнан и каждая строчка которого вызывает наслаждение и трепет...».

Показателен конец литературной статьи: «Арцыбашев ничего не отвечал ни критикам, ни защитникам, равнодушно помешивая ложечкой в стакане чая и изредка со скептической улыбкой поглядывая из-под пенснэ на оппонентов».

Начало и концовка обрамляют очерк, создавая и завершая образ знаменитого индивидуалиста, равнодушного к людям и всему окружающему.

Профессионализм Г.А. Вяткина как литературного критика значительно вырос за годы сотрудничества с крупнейшей в Сибири газетой «Сибирская жизнь». Взаимодействие публицистического и художественного стилей в прозе писателя, сближение новеллы и очерка делают его заметки и статьи яркими, экспрессивными и запоминающимися. В совершенно новом ключе подается характерный для сибирских писателей «этнографизм» как проникновение в глубину и правду жизни.

Изучение литературно-критического наследия Г.А. Вяткина свидетельствует о том, что, помимо появления новой плеяды молодых сибирских литераторов, в Томске появляется и качественная литературная критика, общий тон которой был гораздо более лояльный к новейшим течениям русской литературы.

Местный литературный процесс не ограничивался рамками какого-то одного направления, был восприимчив ко всему новому, не замыкался только на реализме. Попытки представить отдельные критические заметки и высказывания (пусть иногда и злые) на некоторые негативные стороны «модных» направлений и их крайние проявления в виде «борьбы» за реализм вряд ли соответствуют действительности. Критика была направлена на крайние и отдельные проявления декаданса, конкретных писателей-эпигонов и некоторые их произведения.

Не было в Томске в начале XX в. и борьбы между реализмом и модернизмом. Никаких литературных сражений между литературными направлениями и группами в Томске не могло быть, так как бороться особо было некому и не с кем. «Молодая литература Сибири» или «сибирская литературная школа» стала нарождаться лишь в последнее предоктябрьское десятилетие. Были лишь отдельные выступления и лекции в литературных кружках и дискуссии на страницах периодики.

В отношении сибиряков к модным течениям не было единства. Как и новая сибирская литература, критика была многоплановой и разной, не было одинаковости и единообразия во взглядах и мнениях.

Discusses the attitude of reading public toward new trends in literature in Tomsk on the basis of Siberian periodicals of the beginning of the 20th century. The influence of modernism on the formation of the local literary process and reader's tastes is shown. Demonstrate a complex and ambiguous perception of the conceptual and artistic foundations of fashionable trends in literature on the example of the literary and critical legacy of one of the most prominent writers G.A. Vyatkin.

Keywords: literary criticism, professional reader, modernism, Tomsk, G.A. Vyatkin.

Литература

1. Казаркин А.П. Вехи литературной жизни Томска. URL <http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/607/> (дата обращения: 30.09.2017 г.).
2. Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982. Т.1. С. 569.
3. Литературная история Сибири / Н.В. Серебренников, А.П. Казаркин // Сибиреведение. Томск, 2008. С. 218–265.
4. Воскресенская М.А. Феномен Серебряного века: проблемное поле культурно-исторического осмысления // Вестник Томского государственного университета. История. - 2017. - № 48. - С. 20–28.
5. Суд над «Анфисой» // Сибирская жизнь. 1911. № 20, 26 янв.
6. Диспут о «Екатерине Ивановне» Л. Андреева // Сибирская жизнь. 1913. № 86, 20 апр.
7. Литературный суд над Арцыбашевым. «Ревность» // Сибирская жизнь. 1914. № 13, 17 янв.
8. Вечер поэзии К.Д. Бальмонта // Сибирская жизнь, 1916. № 64, 20 марта.
9. Лекция Соллогуба // Сибирская жизнь. 1916. № 220, 12 окт.
10. Иванов И. Двое // Сибирская новь. 1910. № 2, С. 45–46.
11. Гном. Прикорчив двух // Сибирская жизнь. 1910. № 30, 7 февр.
12. Савченко И. О сибирских поэтах // Жизнь Алтая, 1913, 22 дек.
13. В. Б-в. «О сибирских поэтах». Доклад В.Е. Воложанина // Сибирская жизнь. 1913. № 277, 17 дек.
14. К-в. Футуризм в литературе. // СЖ, 1914, № 67, 29 марта.
15. Чмыхало Б.А. Критика «новейших течений» в сибирских изданиях начала XX в.» // Традиции и тенденции развития литературной критики Сибири. Новосибирск: Наука Сиб. отд-ние, 1989. С. 70–78.
16. Жилияков А.С., Жилиякова Н.В. Критика модернизма в сибирской журналистике начала XX века (по материалам газеты «Сибирская жизнь») // Сибирское пространство в лингвистическом и культурном аспекте: Материалы Международной научной конференции, посвященной 95-летию Иркутского государственного университета и факультета филологии и журналистики (Иркутск, 27–30 июня 2013 г.) – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013. – С. 227–236.
17. А.В. Яковенко. Г.А. Вяткин как рецензент сибирских изданий начала XX века и исследователь культуры чтения в Сибири // Вестник Омского университета. 2007. № 2. С. 86–90.
18. Вяткин Г.А. Новинки литературы // Сибирский наблюдатель. 1905. № 1–2, С. 193.
19. Вяткин Г.А. О декадентах // Сибирская жизнь. 1907. № 92, 14 авг.
20. Вяткин. Г.А. Библиография. Бальмонт. Белые зарницы. 1908 г. // Сибирская жизнь. 1908. № 25, 30 янв.
21. Вяткин Г.А. Литература и жизнь. Ч. 4. // Сибирская жизнь. 1908. № 52, 14 марта.
22. Вяткин Г.А. Литература и жизнь. О реалистах и модернистах // Сибирская жизнь. 1908. № 46, 7 марта.
23. Вяткин Г.А. Электрическая литература // Сибирская жизнь. 1911. № 101, 7 мая.
24. Вяткин Г.А. Мысли вслух. // Сибирская жизнь. 1911. № 197, 6 сент.
25. Вяткин Г.А. Литературное интервью. // Сибирская жизнь. 1911. № 61, 17 марта.
26. Вяткин Г.А. В кружке писателей. (От нашего московского корреспондента) // Сибирская жизнь. 1912. № 52, 4 марта.

Literatura

1. Kazarkin A.P. Vekhi literaturnoj zhizni Tomska. URL <http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/607/> (data obrashcheniya: 30.09.2017 g.).
2. Ocherki russkoj literatury Sibiri. Novosibirsk, 1982. T.1. S. 569.
3. Literaturnaya istoriya Sibiri / N.V. Serebrennikov, A.P. Kazarkin // Sibirevedenie. Tomsk, 2008. S. 218–265.
4. Voskresenskaya M.A. Fenomen Serebryanogo veka: problemnoe pole kul'turno-istoricheskogo osmysleniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. - 2017. - № 48. - S. 20–28.
5. Sud nad «Anfisoj» // Sibirskaya zhizn'. 1911. № 20, 26 yanv.
6. Disput o «Ekaterine Ivanovne» L. Andreeva // Sibirskaya zhizn'. 1913. № 86, 20 apr.
7. Literaturnyj sud nad Arcybashevym. «Revnost'» // Sibirskaya zhizn'. 1914. № 13, 17 yanv.
8. Vecher poezii K.D. Bal'monta // Sibirskaya zhizn', 1916. № 64, 20 marta.
9. Lekciya Solloguba // Sibirskaya zhizn'. 1916. № 220, 12 okt.
10. Ivanov I. Dvoe // Sibirskaya nov'. 1910. № 2, S. 45–46.
11. Gnom. Prikorchiv dvuh // Sibirskaya zhizn'. 1910. № 30, 7 fevr.
12. Savchenko I. O sibirskih poetah // Zhizn' Altaya, 1913, 22 dek.
13. V. B-v. «O sibirskih poetah». Doklad V.E. Volozhanina // Sibirskaya zhizn'. 1913. № 277, 17 dek.
14. K-v. Futurizm v literature. // SZH, 1914, № 67, 29 marta.
15. CHmyhalo B.A. Kritika «novejsih techenij» v sibirskih izdaniyah nachala XX v.» // Tradicii i tendencii razvitiya literaturnoj kritiki Sibiri. Novosibirsk: Nauka Sib. otd-nie, 1989. S. 70–78.
16. Zhilyakov A.S., Zhilyakova N.V. Kritika modernizma v sibirskoj zhurnalistike nachala XX veka (po materialam gazety «Sibirskaya zhizn'») // Sibirskoe prostranstvo v lingvisticheskom i kul'turnom aspekte: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 95-letiyu Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta i fakul'teta filologii i zhurnalistiki (Irkutsk, 27–30 iyunya 2013 g.) – Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 2013. – S. 227–236.
17. A.V. Yakovenko. G.A. Vyatkin kak recenent sibirskih izdanij nachala XX veka i issledovatel' kul'tury chteniya v Sibiri // Vestnik Omskogo universiteta. 2007. № 2. S. 86–90.
18. Vyatkin G.A. Novinki literatury // Sibirskij nablyudatel'. 1905. № 1–2, S. 193.
19. Vyatkin G.A. O dekadentah // Sibirskaya zhizn'. 1907. № 92, 14 avg.
20. Vyatkin. G.A. Bibliografiya. Bal'mont. Belye zarnicy. 1908 g. // Sibirskaya zhizn'. 1908. № 25, 30 yanv.
21. Vyatkin G.A. Literatura i zhizn'. CH. 4. // Sibirskaya zhizn'. 1908. № 52, 14 marta.
22. Vyatkin G.A. Literatura i zhizn'. O realistah i modernistah // Sibirskaya zhizn'. 1908. № 46, 7 marta.
23. Vyatkin G.A. EHlektricheskaya literatura // Sibirskaya zhizn'. 1911. № 101, 7 maya.
24. Vyatkin G.A. Mysli vsluh. // Sibirskaya zhizn'. 1911. № 197, 6 sent.
25. Vyatkin G.A. Literaturnoe interv'yu. // Sibirskaya zhizn'. 1911. № 61, 17 marta.
26. Vyatkin G.A. V kruzhe pisatelej. (Ot nashego moskovskogo korrespondenta) // Sibirskaya zhizn'. 1912. № 52, 4 marta.